

ОГНЕВИТ

Артур Ширази



12+

Артур Ширази

Огневит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66109640

SelfPub; 2021

Аннотация

Как увидишь себя, таким и проживёшь всю жизнь. И чем раньше этот принцип поймёшь, тем счастливее будешь. Так я думаю. И вот вам сказ мой. Основанный на реальных событиях. Лишь допущена некоторая персонализация фантастических сил человека для художественного их восприятия.

Артур Ширази

Огневит

Мне в этот год стукнет 45. Возраст серьёзный, конечно. Багаж за плечами. Рубеж половины жизни пройден.

А я сажусь сказку писать.

Бросил на стол толстую свою тетрадь в сочной сиреневой обложке. В солнце она отликает пурпурными отсветами, из-за которых я её и купил в каком-то маленьком магазинчике. Сбоку от стола, на задёрнутых синих шторах с огромными прямоугольниками света от жаждущего ворваться в комнату солнца, сказочно выются волнами узоры.

Синий мягкий свет во всём.

Я сел за стол. Поставил рядом большую кружку яблочно-го, холодного и свежавыжатого, блаженства. Открыл в нетерпении тетрадь. Когда внутри разгорается замысел, боишься упустить неясные ещё лёгкие образы, всплывающие на грани сознания.

И вот, карандаш заскрипел по ворсистой бумаге. Первая строчка заструилась в сторону от волшебной палочки в моей руке.

«В детстве у меня было неудержимое воображение».

Карандаш в зубы, – как написать дальше, чтобы поверили?

Я ведь с детских лет действительно воспринимал мир по-своему. То затуманится и вдруг блеснёт что-то на краю видимого, словно прорвётся в этот мир запределье. То вдруг на фоне неба начнут кружиться перед глазами светящиеся белым точки,— игривые снежинки-мухи. И я ведь даже мог приказать им лететь стремительным роем в нужную мне сторону.

А один раз я замедлил время! Стоял в хвосте троллейбуса, уперев лоб в огромное стекло окна, и толкал взглядом убегающий в красноватом свете габаритов щербатый асфальт. Я тогда спешил. Поэтому останавливал волей секунды, сквозь которые мой троллейбус летел серебристой стрелой.

Вроде всё получилось, прибыли минуты на три быстрее. Наверное.

А потом я окончил школу и захотел быть взрослым. Поступил в университет, чтобы стать психологом. Он ведь тоже, как мне казалось, по-особому умеет управлять реальностью. И я верил, что развив внутренние силы, я буду способен творить чудеса. Эдакий, маг-психолог.

В университете, правда, этого не оценили. Пресекали свободу моего самовыражения цензурой тем, которые я выбирал. Но! Самостоятельных поисков мне было достаточно. К примеру, я учился чувствовать ладонями рук зажженные в комнате лампочки и даже левитировать. И почти научился проходить сквозь стены. Ну, по крайней мере, мне так показалось. Оставалась последняя призрачная преграда, за кото-

рой – прорыв в новое измерение. И это я ещё не говорю про телекинез. Последнее – так, баловство по мелочи, конечно. Короче, полная парапсихология.

Но! Общежитие вырвавшегося из-под контроля родителей студента, – штука бурная. Впервые изменённое состояние сознания я ощутил на первом курсе после стакана водки, выпитого на спор. Это считалось шиком и развлечением нашей молодёжной компании. Так просто я открыл для себя новую реальность за пределами моего воображения!

Ну, и новые горизонты вместе с тем. Старшаки с нашего этажа позвали в бригаду грузчиков, что работала на фурах с водкой. В 90-ые на алкоголе делали бешеные капиталы. И грузчикам от этих благ перепадала приличная сумма. Главное, брать больше, бежать быстрее. Вот и летали туда-сюда стопки ящиков на наших худеньких ножках.

Один раз у вино-водочного ларька собрались разгружать огромный фургон. Открыли задние створки, а там – стена ящиков от самой кромки проёма упёрлась в потолок. Ни встать, ни взять. А с уровня асфальта – высоко. Что делать? Поставили друг на друга пустые контейнеры перед проёмом и меня, как самого молодого, – наверх. Я поднялся, конечно, стал тянуться к верхнему ящику, чтобы снять его, и тут... весь первый ряд не понятно как поставленных друг на друга водочных кубиков полетел вместе со мной с высоты на тротуар.

До сих пор помню ту свою левитацию!

Когда всё это стекло разбивается об меня и об асфальт, а я лежу в ароматной алкогольной луже, испуганный, но уже обеззараженный от всех порезов и ссадин с ног до головы.

Кстати, до сих пор целого куску меня не хватает на левой икре.

На левой ли? – давно не вспоминал тот случай.

Ага. Да. Вот – пальцы утыкаются в ямку под тонкой кожей шрама в виде небольшой подковки.

На счастье!

Хозяин товара ничего мне тогда не сказал, не вредный был всё-таки мужик. Да и пара десятков ящичков в партии всегда закладывалась как бой. Прибыль в 300 процентов покрывала все его убытки.

Ну как, ребятаки-читатели! Весёлая сказочка получается?

Ладно, не всё так весело было. Приходили и спокойные деньки. С гитарой и стихами. С книжками в библиотеке. С походами в горы и нелегальными проникновениями на спектакли в театр. А на водку меня, кажется, после того случая и не брали уже.

На следующий год знакомый парень предложил вместо себя занять место ночного сторожа в одной фирме неподалёку. Работа скучная, беззаботная и бессмысленная. Закреть-

ся изнутри и ночь провести на старом потёртом диване пока в 8 утра не придёт менеджер. Ну, и регулярно платили приемлемую по студенческим меркам сумму. Я и согласился.

Начальниками моими были двое. Один – высокий и сухощавый мужик, другой – низенький и округлый. Первый всё больше молчал, дисциплинированно появлялся в офисе и весь день сидел перед огромным ящиком компьютерного монитора. Другой бывал наездами, вечно острил со всеми и был всегда доволен своей жизнью. Я у него увидел тогда первую в городе десяточку, новенькую, ярко золотистого цвета. Он, кстати, стал иногда просить меня её помыть, и я тщательно натирал бока машинки, как юнга камбуз, за что получал прибавку к жалованью.

Фирма занималась торговым оборудованием. Продавала модные тогда стеклянные витрины на металлическом каркасе, что стояли в любом магазине, от продуктового до бытовой электротехники. Но в пустынных залах охраняемого мною помещения ничего не происходило. Так, иногда в гулком холле появлялись кучки металлических труб и несколько стёкол. И всё. Зарплата при этом мне честно выплачивалась. Наверное, поэтому они скоро и разорились, в первых числах сентября продав помещение вместе со мной и старым диваном под оптовый аптечный склад.

Новый хозяин был птицей иного полёта. Для него бизнес был показателем статуса, выделявшим его из окружения. Актив очередного его успеха. Я первый раз в жизни увидел

на нём тонко выделанную соболиную шубку, которую раньше встречал лишь на женских плечиках. И на нём она тоже смотрелась круто. Особенно в сочетании со светло коричневым портфельчиком из натуральной кожи. Сразу видно, кто перед тобой и как он любит, чтобы к нему относились.

Холёный мой босс вёл бизнес энергично и сразу стал перестраивать доставшиеся ему помещения, а меня вместе с диваном приказал задвинуть подальше с глаз, в глухой угол рядом с кладовкой и туалетом.

В тот учебный год под конец осени и потом всю зиму я перманентно болел. Кажется, природное здоровье моё ко второму курсу универа в каких-то основах своих поломалось. Носоглотку душили сопли, и я жутко раздражался, борясь с ними за каждый вдох. Кожа под носом от частого сморкания воспалилась и горела от малейшего ветерка. Горло скребло, будто тонкая рыхлая ткань слизистой облазила, но откашляться её остатками никак не удавалось. Слабость, периодические наплывы жара, потом – озноб. Пробовал лечиться теми таблетками, что приносили девчонки – соседки по общаги. Не помогало. Один раз решил прибавить напору в борьбе с болезнью и опрокинул в себя стакан водки с перцем, как советовали парни. Но только обжёг горло, которое после этого заскребло ещё жёстче.

На новогодних каникулах я всё-таки угодил в больницу. Медсестра в студенческой поликлинике посоветовала отка-

заться от лечения на дому. И я собрал скудные свои вещички, в тумане 38 жарких внутренних градуса доковылял до остановки трамвая, и потом 40 минут меня качало в его промёрзшем остове, как в железной люльке.

Следующая неделя, – я прикован легкой простынкой к продавленной сетке старой металлической кровати, в которой смиренно пребывал, готовясь к скорой смерти. А когда врач понял, что обычные средства лечению не помогают, он решил действовать кардинально, разрезав блестящим скальпелем мои миндалины в глотке и выпустив оттуда весь гной. До сих пор помню это тупое давление в бесчувственном ватном горле моём, придушенном анестезией.

После этого я как бы пошёл на поправку. Температура приблизилась к норме. Меня быстро выписали, чтобы не занимал места. Но лучше мне при этом не становилось. В носу скоро вновь образовалась слизь, в горле – песок, в голове – туман. Я мужественно умудрялся и сидеть на лекциях, и сторожить ночной покой аптечного склада, заполненного под потолок ароматными заморскими медикаментами. Последнее было весьма ироничным обстоятельством. Согласны?

Но, для кого ирония, а для кого – сущий кошмар.

Вот тут-то, ребята-читатели, наконец, и начинается сама сказка. Зовите уже детей!

Короче, в один февральский вечер, в очередной раз нады-

шавшись медикаментозных успокоительных ароматов, доносившихся со склада, я прилёг на старый диван и решил: «Хватит! Достало болеть!»

Я выключил свет, оказавшись сразу в крошечной темноте, потому что диван мой был в глухой коморке без единого окна, – помните же? – и откинулся к холодной стенке. Закрыл глаза и стал шептать что-то типа заклинания, или заговора аутогенной тренировки: «Я здоров, я совершенно здоров». И так с десятков раз.

– Ты совершенно без мозгов, – вдруг раздалось в темноте.

Я от неожиданности открыл глаза, но ничего не увидел. Что с закрытыми, что с открытыми ими, вокруг была чернота непроглядная.

«Послышалось» – подумал я. Снова закрыл глаза и сжал волю в кулак, представив, как становлюсь сильнее любых обстоятельств и изгоняю слабость из тела. От напряжения я сжал губы, задержал дыхание и грозно свёл брови.

– Не пукни, – посоветовал голос сбоку.

– А! – резко выдохнул я и, правда, слегка выпустил воздуха неофициальным способом.

– Кто тут?! – возопил я.

Классическая и бессмысленнейшая фраза всех сторожей. А что я мог ещё сделать?

– Молодец, что решился на конкретные действия, конечно, но так ты только икоту получишь, – снова послышалось около меня.

– Да кто это?

Справа, медленно усиливаясь, проявилось слабое свечение, синим обрисовавшее черты карлика, сидящего на краю дивана.

Я потянулся к клавише выключателя, наугад шлёпая ладонью по стене.

– Не стоит, – скептически скосился на меня тот.

Резкий свет залил холодным электричеством маленькую комнатку, в которой был только диван, и я – на нём, вжавшийся в угол, подслеповато озирающийся по сторонам. И никого вокруг.

Посидел, подышал. Ничего не происходило. Я даже сходил за водой, выпил стакан-другой, сочно чихнул, разбрызгав слюни и сопли по округе, и успокоился. Вновь залез на диван, осторожно выключил свет. Лечиться аутотренингом уже не хотелось.

– Ну что, успокоился? – вновь раздалось в темноте.

Я подскочил от неожиданности и снова стал ловить пальцами кнопку выключателя.

– Да не надо же, говорю, – устало протянул голос.

Не дожидаясь моей реакции, его обладатель снова проявился зеленым свечением на том же самом месте:

– Хочешь вылечиться или нет?

Моя рука остановилась в пустоте.

Я уставился на карлика, а тот слегка добавил свечения, которое стало теперь чуть розоватым.

– Ну, хочешь? – надавил он.

– Ага, – тут же выскочило из меня.

– Ну и ладненько, – успокоился он, – теперь есть с чем работать. Наблюдается положительная динамика, – так у вас говорят?

Я не ответил. Только подумал, что моя хроническая немощ начала толкать мою психику в пограничные состояния глухого невротизма. А запертый в темноте неврот опасен порождениями ума своего.

Порождение тем временем встало на свои кривые ножки и деловито прошло по пружинистой поверхности дивана, осваивая новые пространства. Я напряженно занимал несколько сантиметров в его углу.

В светящемся силуэте перед собой я распознал массивную, всклокоченную жёсткостью волос, голову. Пучок бороды во всю широту мордочки. Пуговицы глаз.

На коренастом одутловатом теле – белёсая рубашка до колен. Короткие цепкие пальцы теребят подол. Под ним – босые стопы, лаптями продавливающие мякоть дивана.

– Что молчишь? – басил он, покачиваясь на пружинках.

– А что говорить? – выдавил я из себя. Начинался какой-никакой диалог.

– Да размякни ты уже. А не то судорога схватит.

– Уже, – скривился я, – и ноги онемели.

– Ох, горе, – он подошёл и хлопнул ладошкой по моей стопе. По ногам тут же растеклась горячая мягкость. Я, на-

конец, смог их выпростать и задышал ровнее.

– Похоже, ты мой глюк, – предположил я.

– От глюка слышу, – огрызнулся карлик и больно ущипнул меня в ногу.

– Ай! – от неожиданности подскочил я.

– Ну как, вернулся в реальность?

Боль была правдоподобная. Пришлось на время допустить и реальность происходящего.

– А ты кто? – спросил я первое, что могло восстановить хоть какую-то рациональность.

– Дед пихто, – нахмурился карлик. – Тебя не это шас должно волновать. Тебя твоё тело должно волновать. Хочешь быть здоровым, давай работать.

– Ну... – нерешительно растянул я гнусавым сопливым гыком. – Давай.

– Ну, ты должен по устоявшейся уже традиции попросить.

– Кого?

– Меня.

– О чём?

– Вот, точно нет мозгов! – ворчал он. – О помощи моей.

– А-а-а, – неуверенно протянул я, потом всё-таки выпрямился и сделал выразительные глаза, – Очень болеть надое-ло. Хочется здоровым быть.

Я осваивался в новой обстановке. Карлик тем временем как профессор на своей кафедре допытывал:

– Понятно, конечно. Но зачем тебе это? – менторски тер-

зал он мою сознательность.

– Здоровье? – не понял я. – Чтобы не болеть.

– Вот так? Прямо здоровым, чтобы – не больным? А ещё, наверное, умным, чтобы не глупым? Богатым, чтобы не бедным? И жить, наверное, чтобы не умереть? – он издевался и, кажется, слегка сердился.

– Нет. Это в общем, знаешь, сказано. Здоровым – это общее слово для всего хорошего и благополучного в жизни. Чтобы жить хорошо.

– Ещё лучше: хорошее, чтобы было хорошо. Так для чего, всё-таки?

– Ну, ты пристал, – возмутился уже я. – Если я начну перечислять всё хорошее в жизни, это же можно долго обо всём говорить.

– А ты не обо всём, ты о себе мне скажи. Что хорошо для тебя?

Я не знал, что сказать ему. Поэтому привычно ответил:

– Я не знаю. Этого же пока нет.

– Ну, позови меня, когда узнаешь, – и вдруг исчез.

– Стой! Как позвать-то? – запоздало спохватился я.

Но никого уже не было. Тонкое голубоватое свечение просто схлопнулось в черноте.

«Какой глюк у меня, – с характером! – подумал я. – Ну и ладно, засну хоть».

Но заснуть не удавалось. Мысли было уже не остановить. Было, и правда, интересно, а зачем мне это здоровье?

Я говорил про себя:

– Если буду здоров, то выучусь и смогу создать что-то новое, полезное для людей.

С детства чувствовал, что был предназначен для великих свершений. Правда, мои преподаватели до сих пор успешно разубеждали меня в этом.

– Я, может быть, помогу многим, и на земле станет больше счастливых людей!

Потом посидел, поразмыслил, что это было ещё более неконкретное и самоуверенное желание.

– Сделай хотя бы одного человека счастливым, – посоветовал я себе мысленно.

– Я реализую уникальность своей личности!

– Стану кому-нибудь нужным!

– Получу много интересных опытов!

Я перебирал варианты красивых целей моей жизни.

– Ну, не богатство же и знаменитость ты имел в виду! – в сердцах вслух сказал я.

Я маялся с этим ответом. Чихал, задыхался в выделениях собственной носоглотки, не мог заснуть от головной боли. Но ответа не знал.

Потом устал от всего этого мозгового штурма. И прошептал почти сам себе:

– Я просто люблю жизнь! Эта дурацкая болезнь заперла меня в клетке моих расстроенных чувств. А я хочу увидеть

мир вокруг, а не только себя – разбитого и слабого.

Вдруг скрипнул басовитый голосок в темноте:

– Так поэтому и заперла. Через боль, через надлом, чтоб понял: мир надо сначала увидеть в себе, чтобы суметь оценить его по достоинству вокруг.

Я открыл глаза и улыбнулся. Карлик сидел на краю дивана и светился зеленоватыми всполохами.

– Пойдём со мной, – прыгнул он с дивана.

Я послушно поднялся следом за ним, вышел из комнаты. Пространство вокруг мягко отсвечивало зеленым светом, исходящим от карлика. Достаточно, чтобы не наткаться на углы и не включать электричество. Мы прошли, шурша по бетонному полу, в большой аптечный склад. Там было окно во всю стену, возле которого я любил сидеть по ночам. У него остановился и карлик.

– Вот посмотри вдаль, – тихо шептал он, – Впереди широта реки, что мягко мерцает отсветами на волнах. Чуть дальше, на другом берегу, огни высоких домов. А над ними – огни звёзд. Луна. Посмотри, как тихо в мире. Какое всё бескрайнее и наполненное силой.

– А теперь ты, – посмотрел он на меня, – разве ты можешь это понять? Довёл своё тело до изнеможения. Вот оно и кричит тебе: остановись, я иссякло!

Я посмотрел на мирные огни в ночи за окном. И на миг завис между выдохом и вдохом, будто и вправду остановился, очарованный открывшейся внутренней тишиной. Потом

всё равно вдохнул. С трудом, через забытые слизью носовые пазухи.

– И что мне делать? – повернулся я к маленькому существу у моих ног.

– Напитать себя энергией, – серьёзно сказал карлик.

– Как? – я как школьник не знал ответов ни на один из вопросов.

– Пойдём, – скомандовал он и зашуршал лапками по полу.

Мы вернулись обратно на диван.

– Ложись. Так тебе пока будет проще.

Я лёг.

– Ты борешься с болезнью. И это твоя ошибка. Тебе нечем с ней бороться. И к тому же, борясь, ты только подтверждаешь, что она обладает силой против тебя. А ты – лишь создаёшь бессмысленное напряжение внутри. Сделай так, что в твоём сознании останется только то, что тебя лечит. Включи воображение.

Я попробовал. Но как можно было представить себе здоровье, – не знал. Я спросил об этом карлика:

– Это ведь абстрактное понятие: здоровье.

– Вот оно для тебя и абстрактное, что ты не видишь его в своих чувствах, а стараешься только умом. А ты попробуй по-другому: не думай, а проживай.

Он вдруг мягко подскочил и схлопнулся в светящийся оранжевый шарик. Маленькой шаровой молнией завис над моей грудью, а потом вдруг нырнул прямо в меня.

Что-то защекотало в теле, грудь онемела, а потом вдруг в ней расплылась теплота. Оранжевая, радостная, искрящаяся. Я растаял и обмяк. И будто дышать стал спокойнее и ровнее.

Но не успел я насладиться этим состоянием, лампочку внутри вдруг выключили. Я открыл глаза. Тот, кто устроил мне этот праздник, теперь молчаливо сидел на краешке дивана.

– Ну, – спросил он, – понял?

– Это было просто... до мурашек! – не находил я слов.

– Это тебе для примера. Запомни своё состояние и постарайся теперь сам.

Я послушался моего странного наставника, которого теперь захотелось слушаться ещё больше. Бледненько представил в груди оранжевый свет, расправил лёгкие, чтобы он глубже растёкся в них и проник в каждую маленькую альвеолку. Позволил ему затеплиться внутри.

– Продолжай. Твой ум должен привыкнуть так воспринимать тело. А тело – так питаться, – поддерживал меня голос карлика снаружи.

С каждым вдохом я всё больше увлекался своим маленьким экспериментом и стал настолько сосредоточен, что внешнее отступало всё дальше, за пределы чувств.

Прошло достаточно много времени, когда я, наконец, открыл глаза во внешнюю темноту. В ней никого не было.

– Эй, – осторожно позвал.

Но ответа не услышал. Моё наваждение исчезло.

Потом я так захотел спать, что не стал разбираться, в чём тут причина. Закрыв глаза и тут же уснул.

А когда проснулся, в щель двери уже затекал ко мне бледный свет утра. Голова моя, вопреки сопливой традиции, не болела.

Я встал, умылся. Прибрал за собой диван. И тут с улицы постучали.

Спозаранку пораньше явился босс, – бизнес не давал сладко спать по утрам.

Сразу с порога затребовал отчёт об охраняемом мною имуществе. Я кратко изложил:

– Всё нормально, – и улыбнулся.

– А что улыбаемся? – замер он, глядя на меня.

– Да, просто так. Хорошо, вот и улыбаюсь.

– А-а. Ну, ты так сильно не показывай это, а то подумают чего-нибудь не того, – то ли заботливо, то ли с угрозой протянул он.

– Ладно, – я убрал улыбку с лица и пошёл к выходу. – До свидания.

– Ага, – послышалось за моей спиной.

Я всё-таки не удержался и опять расплылся в довольной ухмылке. Толкнул железо двери. Шагнул навстречу лёгкому морозцу.

А там – последние деньки февраля. Ледяная дымка в небе между высоток у горизонта бледно расцветивалась утренней

желтизной. Сухой воздух ластится к тёплой щеке, радостный от встречи. Я позволил себе глубоко вдохнуть, остановившись тут же на крыльце. Оглянулся.

– Ну, хорошо же! – вслух прошептал я февралю и зашагал в сторону общаги.

Так, ещё целую неделю я дисциплинировано практиковал, колдуя над телом. Получаться стало лучше, тело уже само просило цвет, которым хотело сегодня питаться: оранжевый, алый, золотой. Головную боль я успокаивал голубым, а сопли умирал сиреневым.

И чувствовать себя стал лучше. Легче что ли, свободнее.

И в первую очередь, внутренне. Вот так, медленно вдыхаешь воздух в лёгкие, а с ним – мягкую тонкую струйку любви. Она защекотит, заискрит. И растеплится, стекая к груди, а в ответ ей оттуда что-то расцветает. А ты замираешь, как при рождении нового себя в мир. Окутываешь его оттенками своей радости, украшаешь новым цветом и растишь с терпением садовника.

С каждым разом тепло растёт, тело вибрирует всё тоньше, а дыхание – осторожнее. Лишь незримый трепет внутренних струн. И такая радость поднимается навстречу жизни, какую и не ждал. Такое новое знание о себе самом, себе в мире. И ещё – о мире в себе.

Растворяя боль, уныние, страхи и обречённость на несчастье.

Одно слово: благодать.

В один из вечеров, сидя перед сном на старом диване в душном закутке охраняемого мною помещения, я тихо прошептал:

– Спасибо.

Это было сознательно сказано моему незримому нынче наваждению. И вдруг услышал слева от себя:

– Пожалуйста.

Открыл глаза, увидел сиреневое, всполохами ясного пурпура, свечение, в котором мой ворчливый наставник теперь улыбался мне.

– Привет.

– Привет.

– У меня вроде получается. Чувствую себя лучше, – сказал я.

– Я вижу.

Помолчали. Потом я усмехнулся:

– Это может значить, что ты всё-таки не глюк.

– А я что говорил тебе, – как будто вновь сердясь, пробасил карлик. – Но, в конечном счёте, это всё не важно. Результат главное.

– Как тебя звать-то? Скажи всё-таки.

– Я из рода Огневитов, но ты, кажется, и не знал этого. А имён мне много, каждый сам придумывает, как хочет звать. Главное для нас, огневитов, чтобы восстановить гармонию

в этом мире. Такой, какая она изначально была. И показать путь некоторым из ваших. Потому что без людей это невозможно. Слишком сильна их вера, чтобы мир становился таким, каким они хотят его видеть.

– Прямо, каким мы хотим? – удивился я.

– А разве ты не видишь? Присмотрись, каким вы делаете его.

Я промолчал. Огневит был прав. Человек все силы употребит для своих целей, чтобы только самоутвердиться в мире. Весь мир с ног на голову перевернёт.

– Так дело было не в моём здоровье, я прав? – скосил я взгляд в его сторону.

Огневит усмехнулся в бородку:

– Ага. Но зато теперь ты можешь творить мир. Ты поймёшь как, потому что начал с себя. Только помни: всё в мире стремится вперед. Поэтому увидь внутри твоё красивое будущее и верь. Всё остальное, и твоё настоящее тоже, подстроится. А поверишь в болезнь, – никто уже не поможет.

Так мы и болтали вполголоса. Почти до утра, когда мне пора было уходить.

А ещё через несколько дней я оказался без своей должности. Сторож аптечному складу оказался без надобности. Они поставили себе крутую автоматическую сигнализацию.

А я и не жалел, у меня ещё столько было впереди сказочно интересного. Жизнь только начиналась...

И, кстати, с тех пор, вот уже более 25 лет, я ничем не бо-
лею. И не боюсь.